

Ася Невеличка
я посажу тебя
в клетку

Ася Невеличка

Я посажу тебя в клетку

«Автор»

2021

Невеличка А.

Я посажу тебя в клетку / А. Невеличка — «Автор», 2021

ISBN 978-5-04-155101-8

Юля привыкла, что по одному щелчку пальцев исполняются все ее желания. Наверное, так и продолжалось бы, но однажды в ночном клубе она встретила симпатичного парня, которого решила «снять» на ночь. Но он ее отшил. Тогда папина дочка пошла на крайние меры, чтобы проучить неблагодарного. Вот только мужчина тоже оказался не таким простым. Хватит ли ей сил укротить зверя до того, как он укротит ее?

ISBN 978-5-04-155101-8

© Невеличка А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ася Невеличка

Я посажу тебя в клетку

© Невеличка А., 2021

Глава 1

Охота на зверя

Через три часа празднования моего дня рождения стало невыносимо скучно. Я послала Стаса к вертящей перед ним костлявой задницей Маргарите и вышла из привата в надежде урвать приключения на свою вполне так ничего себе задницу.

В ВИПе клуба особо глазом зацепиться оказалось не за кого. Все более-менее стоящие мажоры тусовались на моей вечеринке на двух снятых папой в этом клубе этажах, в ВИПе сидели старперы и жиртресты, ну и те, кого мне по статусу знать не положено. А в нижний зал, к плебеям, меня не тянуло. Не настолько хотелось приключений, чтобы связываться с нищими студентами. Этого блага мне и в универе с лихвой. Свист вслед и слюни в пол – это максимум, на что они тянули.

А я зажралась, как Ксенька скажет. Элитный ночной клуб в полном распоряжении, ешь-пей-танцуй, скоро подъедет Гузова, а мне скучно! Лучшие кобели столицы собраны на двух этажах, а я ищу свежее мясо. Зажралась. Или недопила. Но определенно пора уезжать на месяц-два в Нью-Йорк или в Милан. Потусить там, пока снова столичной серости не захочется.

Я уже разворачивалась, чтобы вернуться на свою вечеринку, когда в зал вошел мужчина. Наверное, не обратила бы внимания, но он привел с собой пять – пять, мать его! – девушек! Вот это самомнение.

Я решила остаться и досмотреть. Собственно, такие разводы я уже видела. Сейчас девочки разыграют лухаря на бабки и бросят пьяного без секса и без денег. Но стало интересно, из какого же колхоза он приехал?

Наметанный взгляд точно определил «Армани» на лухаре, а еще впечатлило его уверенное поведение. То, как он жестом указал столик – нехреновый такой столик, даже в ВИПе они стоят по рангам, – как молча призвал официанта и тот подобострастно стал бегать к бару и обратно, разнося девочкам коктейли.

– Юлия Андреевна, может, вернетесь к гостям? – подал голос из-за спины мой телохранитель.

– На пенсии звать меня Андреевной будешь, – привычно огрызнулась я, не отрывая взгляда от проворного лухаря.

Офигенная фигура, высокий, широкоплечий, с узкими бедрами и очень подкачанной попкой... Тут я не выдержала и облизнулась. Вонзить бы в этот крепкий зад ногти, ммм... Потом обвить ногами узкую талию, вцепиться руками в крепкую шею и насаживаться, насаживаться...

– Юлия... э-э... Андреевна?

Вот тупые секьюрити!

– Ну что?

– Сообщили о приезде Гузовой.

– И?

– Э-э... Наверное, нужно вернуться в зал. Она петь будет, поздравлять вас.

– Вернись, Глеб, и прими поздравления, – раздраженно отмахнулась от него. – А я здесь посижу, в спокойной обстановке. Надоело прыгать козой по танцполу. Взрослею, как папенька любит отмечать.

Теперь я целенаправленно пошла к соседнему от лухаря с компанией столику, чтобы было удобнее наблюдать. А может, трахнуть его разочек? Вот счастья у парня будет! Он потом всей своей деревне петь будет, как трахал не простых столичных цыпочек, а вбивал сваю в принцессу... Если у него там свая. Если нет – пошел мимо.

Отмахнулась от официанта и села напротив примеченного мужчины. Нет, все же староват для парня, хоть и клюет на откровенных соплюшек. Меня он не заметил, зато обратил внимание на Глеба, упорно таскающегося за мной. Цепкий хищный взгляд мгновенно переместился на меня и просканировал.

Я вздрогнула. Это был взгляд зверя, а не лухаря. Деревенские миллионеры *так* смотреть не умеют.

Вот теперь я хотела его еще сильнее.

Но мужчина отвел от меня взгляд и больше не повернулся.

Кто он? Я совершенно точно его не видела, иначе запомнила бы. Официант суетится рядом, словно точно знает вкусы и характер клиента. И только девчонки-простушки хихикают, щебечут, не замечая, что зверь уже разделявает их тушки одну за другой.

– Иди узнай, кто он, – приглушенно приказала я Глебу, но тот остался стоять истуканом за спинкой занятого мной диванчика. – Ну чего стоишь?

Я вынуждена была повернуться к телохранителю, чтобы одними сведенными бровями заставить броситься исполнять. Но Глеб остался недвижим и невозмутим.

– Не могу, Юлия Андреевна.

Тут я по привычке поморщилась – неисправим.

– Пока я один при вас, у меня приказ хозяина – не отходить.

– Черт!

Я отвернулась. Да и ладно! Узнаю имя мужчины, вдруг расхочется охотиться на зверя? Может, он женат? Или вообще гей? А пока у меня по спине бегали мурашки от азарта и внутри начинало скручиваться в жгуты вожделение.

Я совершенно точно хочу его трахнуть.

Пока я препиралась с Глебом, одна из девушек ушла из-за столика. Судя по поникшей фигуре, насовсем. Ожидаемо. Начался отсев.

Помочь ему сразу выбрать единственно верную кандидатуру? Или пусть еще полчаса поразвлекается?

– Юлия Андреевна, давайте вернемся! Мне передают, что вас уже хватились гости.

Я закатила глаза. Ведь никак не даст расслабиться, даже в мой день рождения.

– Глеб, значит, так: я сейчас подойду вон к тому мужчине, а ты, как умненький, останешься здесь...

– Не положе...

– А если пойдешь за мной – я завтра же скажу папе, и он тебя поменяет на другого, – уже жестко закончила я. – На более умненького. Понял?

Глеб молча кивнул. Я встала, расправила очень выигрышное платье на своей крышесносной фигуре и понесла себя в редешую на глазах компанию. Остановилась у столика, насмешливо провожая взглядом еще одну плоскогрудую курицу. И самым томным голосом из отработанного арсенала проговорила, глядя в непроницаемые глаза зверя:

– Смотрю, ты выбираешь, с кем провести вечер. – Я соблазнительно улыбнулась, показывая свои превосходные винуры. И это единственное, что у меня было искусственное. – Могу помочь, если угостишь...

Тут я сделала непозволительную паузу. Не разглядела, что он пьет! Напрашиваться на коктейль – это уравнивать себя с соплюшками, которых он отсылал одну за другой обратно на пастбище. А вот присоединиться выпить к нему – другой разговор.

Вот только он не пил.

– Угощу. Но сидеть тебе удобнее будет в другом месте. Здесь тесно.

– Ну, это пока, – заверила я, улыбаясь ему самой соблазнительной улыбкой и занимая выигрышную позицию за столиком.

Теперь уверена, мужчина будет разглядывать мое декольте, бедра и колени. И конечно, будет гадать, есть ли на мне белье, когда я стану перекидывать одну ногу на другую.

Ох уж эти мужчины, читаемы насквозь.

– Коктейль барышне, – просто бросил он и снова переключился на девушек рядом.

– Ты можешь поддержать светскую беседу? – спросил он пегую блондинку слева.

– Да, конечно.

– На какую тему?

– Э... Ну... Погода?... Не знаю. Мода?

Мужчина кивнул, что-то пометая в планшете. Дорогом, кстати, навороченном планшете.

– А если в компании будут только мужчины?

Блондинка растерялась, зато другая поторопилась прийти на выручку:

– Если там одни мужчины, не проще ли их занять чем-то более развлекательным, чем разговоры?

– Чем? – Зверь повернулся к заговорившей.

– Например, собой.

Я заметила, как мужчина поморщился и снова сделал пометку в планшете.

– Какое у тебя образование?

– Полное.

– Что полное?

– Законченное. А какое оно еще бывает?

Тут официант отвлек меня коктейлем, а когда я сделала вид, что отпила и поставила бокал на стол, пегая уже выходила из ВИП-зала.

Ни фиги себе у зверя отбор на ночь! Не только по фигуре, но еще и по уровню образования, и умению вести светские беседы. Что же он за фрукт такой?

– Образование? – обратился он к следующей.

– Филологическое... Правда, незаконченное. Зато окончила музыкальную школу по классу фортепиано.

Вот теперь, кажется, зверь был удовлетворен. Но мне откровенно надоело ждать. Я нагнулась, чтобы тут же поймать его взгляд на свое декольте, и вызывающе положила ладонь на колено мужчины.

– Может, отпустишь их и поговорим? На светскую тему, – улыбнулась я. – Готова поддержать любую.

Я недвусмысленно сжала пальцами его бедро и чуть провела ногтями вверх, чтобы он почувствовал мой посыл. Он почувствовал, инстинктивно расставляя бедра шире, давая мне подсознательное одобрение двигать пальцами выше. Но вот произнес совсем противоположное:

– Тебе лучше пойти на свои карусельки, детка, и продолжать кататься на них под приглядом взрослых.

Теперь он кивнул на Глеба, и тот, сволочь, метнулся ко мне, вырастая за спиной.

Как у этого чертовски соблазнительного мужчины получается повелевать одним подбородком, а?!

– Уходи.

Вот теперь он меня обидел.

– Ты серьезно гонишь меня? Такие предложения каждый день не делаются! – Наверное, из меня рановато полезла спесь, но при таких обстоятельствах сдержать ее было выше моих сил.

– Какие предложения? Оттрахать тебя в ВИП-туалете этого клуба? Выбери другого, мне неинтересно.

А вот теперь он меня оскорбил! Но даже не захотел объясниться до конца и отвернулся к симфоничке.

– О, вы гурман? Трахаете только заучек с высшим или музыкальным образованием?

Мужчина снова повернулся ко мне, и по холодному взгляду я поняла, что нарвалась на еще одно оскорбление:

– Да, я гурман. И мне претит туалет и неразборчивые в связях девочки.

– Ну, это мы еще посмотрим! – зло выдавила я и резко развернулась, так, что воткнулась в грудь Глеба. – Уйди! – крикнула я и машинально направилась к туалетным комнатам, досадливо лоя спиной издевательский смех зверя.

Но смеется тот, кто смеется последним!

– Па-а-па-а! – нараспев просящим тоном начала разговор по телефону. – Ты же любишь свою девочку? И я тебя тоже. Ты же сделаешь мне еще один подарок? Нет, ничего не надо, просто тут один, в клубе, наехал на меня... Ой, нет, пап, все нормально... Просто мне не понравилось, как он со мной разговаривал. Нет! Убивать не надо. Но... Можно я заберу его себе и немного поучу жизни? Нет, лухарь какой-то, я его не знаю... Да, один. Конечно, Глеб и Юра со мной. Ой, папочка, я так тебя люблю! Конечно-конечно, только на день рождения! Спасибо!

Вот и карт-бланш. Я не смогла сдержать торжествующую улыбку.

– Глебушка, сейчас возьми Юру, и доставьте того парня из ВИПа ко мне в квартиру. Папа сделал мне еще один подарок.

– А чего с Гузовой?

– А что с ней? – не поняла я.

– Ну... э-э-э... ее тоже доставить в квартиру?

– Зачем?

– Пусть поет.

– Ты debil, Глеб? Пакуй того парня в багажник и вези меня с подарочком домой.

– А этих? Их куда? Тоже с собой?

Я протяжно вздохнула. Вот попадают же такие исполнительные трудяги, что элементарного выполнить не могут.

– Мне они не нужны. Я хочу только его. Придумай уже что-нибудь.

Глава 2

Зверь в клетке

Заметил ее не сразу. Мне по долгу службы полагалось знать всех членов и не членов семей клиентов. Я устал удивляться, как местные воротилы и политические выскочки содержат по две семьи и не устают искать свежих любовниц.

Не осуждал, не поощрял, просто поставлял лучший товар на рынок невест. А уж сможет ли девица оседлать пойманного жеребца или вернется ко мне с размазанными по щекам соплями-слезами в поисках нового – это дело случая или удачи.

Но вот Юлию Обухову я заметил и узнал. Она часто мелькала личиком на фото в светских хрониках, на публичных мероприятиях, в «Инстаграмах» светских коз.

С неудовольствием констатировал, что сучка соблазнительная. Испорченная, как и все папины дочери, но если ее как следует вздрючить, более жестко подойти к воспитанию, вбить основные моральные ценности, она станет идеальной невестой.

Я отвернулся, встряхивая головой и отгоняя мысли. Какая, к черту, идеальная невеста? Ее и без меня неплохо пристроит Обухов. А потом уже я познакомлюсь с ее муженьком, еще одним выдающимся и «перспективным» мудаком, которому буду поставлять телочек для траха без обязательств.

Хотя у таких, как Юля, жизнь расписана от и до. Ей именно такой надо быть: капризной стервой. Чтобы выйти замуж за мудака с деньгами или связями и пересекаться только на совместных мероприятиях, а жизнь вести отдельно друг от друга.

Я перевел взгляд на высокую, темненькую и угловатую провинциалку. Память моментально вскрыла ее досье. Из Иванова, образование средне специальное, двадцать один год, девственница.

В груди всколыхнулись остатки совести, но я быстро подавил в себе угрызения, скользнув взглядом по плоской груди, по выступающим в скромном вырезе ключицам.

– В столицу приехала замуж выйти? – спросил в лоб.

– Да, – заикаясь, ответила худая.

– Сразу нет. Вот визитка. Позвонишь, когда раз десять потеряешь девственность. – Я протянул карточку и кивнул на выход из ВИП-зала.

– Но...

Я удержал карточку в руках, заставляя худышку взглянуть мне в глаза.

– Могу выставить твою девственность на аукцион, – вкрадчиво произнес я. – Тогда ты получишь хорошую сумму за свою целку, а потом вернешься к себе в деревню и выйдешь замуж.

– Почему я не могу здесь выйти замуж с хорошей суммой?

– А кто возьмет в жены ту, которую продали с аукциона?

Девица с минуту молчала, не выпуская визитку из длинных ухоженных пальчиков.

– Я позвоню вам, – наконец решила она.

Я отпустил карточку, и худышка покинула ВИП.

Краем глаза заметил, что Обухова решила действовать. Твою мать.

Но пока звездень вышагивала к моему столику, не мог не отметить фигуру, длину ног, продуманный вырез на платье – и сверху, и снизу. Сразу подкинуть за бедра вверх, задрать упаковку, зубами стянуть лиф и втянуть губами соски...

Черт! О чем я думаю! Это же дочь Обухова!

Ее присоединение не было похоже на нападение. Угостил Юлию коктейлем и продолжил собеседование. Но вздрогнул, когда ногти Обуховой вонзились мне в бедро. Перед глазами моментально поплыли порнографические картинки, к паху прилило.

Я подавил стон.

Твою же! Надо отсылать ее к папеньке. Ведь напросится на грех, коза.

Как же все прогнозируемо с этими избалованными мажорками! Все одно и то же.

Губы задрожали, глаза зло блеснули, и, вбивая каблуки в мраморную плитку, Обухова понеслась в туалет. Поправлять макияж, а не залечивать задетые чувства. Нет у таких дамочек чувств – только непомерно раздутое самолюбие.

Я проводил ее взглядом, жалея, что не могу задержать и взять то, что она предлагает. Оттрахать? Легко. Ее – особенно. Со страстью. С наслаждением. Чтобы хоть немного сотрясти ее слишком благополучное и безоблачное существование.

Сучка.

Я вернулся к своим подопечным. Оглядел оставшихся трех девиц. Одна готова зарабатывать обычным способом. Мне такая не пойдет, это метод Ярика – нанимать шлюх и подкладывать их под денежные мешки. А мне нужны умненькие и амбициозные, которым хочется сделать карьеру или устроиться в жизни не через щелку.

– Тебя отпускаю, – сказал я разгульной красотке, еще свежей, незатасканной, но с явным намерением раздвинуть ноги. – Возьми карточку. Через неделю будет барбекю у солидных клиентов, позвонишь мне в пятницу, приедешь, познакомишься. Покажу перспективных мужчин...

– Чо? Правда?

– Если в пятницу забудешь позвонить – карточку можешь выкинуть и на моем горизонте не появляться.

– Ой, спасибо-спасибо! Я обязательно позвоню. Обязательно.

Осталось две. Пианистка и закомплексованная меланхоличка. С момента перехода в ВИП последняя ни разу себя не проявила.

– Встань. Медленно покрутись – я рассмотрю тебя.

С сожалением смотрел на пропадающие отличные физические данные. Ну какой здоровый мужик захочет трахать безразличную воблу?

– Как на меня вышла?

– Знакомая подсказала.

– Кто? Как?

Меланхоличка медленно начала втирать мне про родителей, работу и что-то там еще. Как домашняя девочка решила на неслыханный для себя шаг пойти в модельное агентство, а там, боже ты мой, сразу дали список тех, к кому можно подкатить с раздвинутыми ногами.

– И тут всплыла подруга и сунула тебе мою карточку? – хмыкнул я, уже догадываясь. – Это вызов родителям?

Отчего у меня репутация устроителя нетронутых дев в жены миллионерам? Кто вообще мне эту легенду пришил?

Да, с девами мне приходилось изредка иметь дело. Вот как сегодня. Но это скорее досадное недоразумение, которое быстро устраняется. Миллионерам нужны свежие, раскрепощенные, имеющие вкус к жизни девочки.

Я тот же эскорт, что и Ярик, но уровнем повыше. У меня элитный эскорт. Я снабжаю клиентов незаезженными любовницами и даже женами. В общем, в части дев, я могу их тронуть прежде, чем взять в работу и пристроить.

Во внутреннем нагрудном кармане завибрировал телефон. Я с раздражением глянул на экран, извинился перед девочками и отошел в комнату для курения. Звонил брат.

– Я же просил меня не дергать? – раздражение вывалилось как-то само собой.

- Ну пра-асти. Я только предупредить хотел, что сваливаю на матч с пацанами.
- Стой, какой матч ночью? Время девять. Я на работе.
- Не ночью, а в девять сорок пять. Наши с Венгрией.

Я закатил глаза. Естественно, брату побоку мои планы на ночь, это я хотел оттянуться и зависнуть в отеле, отоспаться. У него матч! И если я не отпущу, то изверг и тиран.

С сожалением оглянулся на девочек. Пианистка определенно идет в дело, у меня даже есть меломан классики, они сойдутся только на обсуждении истории музыки. А вот меланхоличку можно было на ночь утянуть к себе и оттянуться, да... Можно было бы. Фигурка отменная, сиськастая.

- Ладно, Тем, вали. Деньги возьми в ящике, но не пей.
- Не начинай. Я уже взрослый!

Изнутри накатило рычание:

- Когда станешь взрослым, тогда будешь все решать сам. А пока слушаешься меня. За спиной хлопнула дверь. Я поморщился, понимая, что разговор пора сворачивать.
- Короче, утром чтобы был дома...

И в этот момент я словил удар по голове и свет вырубился.

* * *

Не знаю, сколько я оставался без сознания, но очухивался с трудом. Голова раскалывалась, во рту был неприятный привкус желчи, все тело затекло, и я чувствовал озноб. Именно в этот момент, обхватив себя руками, понял, что раздет. Открыл глаза, но из-за глубокой ночи и отсутствия хоть какой подсветки ничего не увидел.

Крупная дрожь снова сотрясла тело. Я попытался встать, сдерживая рвущийся мат попеременно со стонами. Ощущение, что меня не только приложили по голове, но еще и ногами от души отпинали.

Встать не получилось, я уперся головой в решетку. Вытянул руки и ощупал пространство вокруг себя.

Я в клетке! Я, мать его, в клетке!

Что за на хрен?

Машинально хлопнул себя по голым бедрам. Ни одежды, ни телефона. Кто? Кому я так подосрал, что меня некрасиво слили? Ярик? Не посмеет. В солидном клубе соответствующая охрана, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности.

Вот отсюда поподробнее. Клуб. Нападение. Оно точно не прошло незамеченным. Значит, достаточно дождаться утра, чтобы хозяин клуба разобрался с этим недоразумением. И самому посмотреть зарвавшегося кастрату в глаза.

Я постарался найти в узкой и низкой клетке позу поудобнее, но с моим ростом было определенно тесновато. Лег поудобнее, чтобы решить проблему, когда она явится утром.

Не знаю, кто стоит за этим не самым продуманным поступком, но уверен, что следующие три месяца он будет ссать кровью. Или сидеть неделю на углях. Или обнимать кактусы в ботаническом саду. Или...

Я застонал, осознавая, что брат и девочки остались без присмотра. Более того, я хрен знает когда выкарабкаюсь из этих приключений. Что с ними будет? Я даже позвонить и предупредить никого не могу!

Судя по своему состоянию, проще выбирать методы казни зарвавшегося олуха. Воткнуть ему в задницу брандспойт и открыть вентиль на полную. Мрази.

Под эти успокаивающие мечты я вырубился.

Из сна меня вырвал стук каблучков по мраморной плитке.

Я быстро проморгался, чтобы увидеть перед лицом дорогие, с опушкой, шлепки. Да, на каблуке. Скользнул взглядом выше по тонким лодыжкам, к изящным икрам, символически прикрытым шелковым халатиком бедрам, и уткнулся взглядом в знакомое декольте.

Обухова, твою срань!

– Что ты тут делаешь? Открой клетку!

Любовница? Ее парень приревновал и решил проучить?

– Ну, это вряд ли.

Девушка выпрямилась и вызывающе уперлась кулачком в бедро.

– Никто не смеет хамить мне!

Что? Мозг усиленно прокручивал сложившуюся ситуацию: ночной разговор в клубе, я, голый, в клетке, торжествующая девушка надо мной.

Обида? Месть?

– Это смешно! Выпусти меня. Обещаю простить.

– Никаких шуток. Это тебе придется заслужить мое прощение.

– Заслужить? – усмехнулся я, пытаясь из полулежачего положения перестроиться в полусидячее.

– И прочувствовать всю свою никчемность, песик.

От назидательного тона и тупейшего решения глупой курицы я зарычал, еще раз тряхнул клетку, только теперь понимая, что это укрепленный сплав. Не удивлюсь, если титановый.

– Тебе все мозги проссали, идиотка?

– Лаешь? Может, тебе еще прививку сделать от бешенства?

Звездень, покачивая бедрами, подошла к кофеварке, подавшей сигнал о свежесваренном кофе. Я судорожно сглотнул пересохшим горлом.

– Мне надо в ванную комнату.

Она хмыкнула, поглядывая на меня из-за плеча:

– Обойдешься.

– Серьезно? Ни душа, ни туалета?

– Ни воды, ни хлеба!

Я оскалился. Не с тем человеком ты связалась, идиотка.

– Тогда время зрелищ, – усмехнулся я, неуклюже вставая на колени и нацеливая рукой член.

Глава 3

Содержание

Я увидела, в каком он состоянии, только когда Глеб втолкнул бесчувственное тело в квартиру, а Юра предупредительно открыл и закрыл дверь. Даже успела представить, как точно так же заботливо открывал и закрывал багажник.

А вот в чуткости Глеба я сомневалась. Он сбросил с плеча мой новый подарочек на диван в гостиной, даже не поправив свесившуюся голову.

– Он хоть жив? – оглядела я помятого лухаря.

– Очухается к утру, Юлия Андреевна.

Вот так тупые секьюрити обламывают мне приключения на день рождения. Я-то планировала поюзать гордость зарвавшегося деревенского пижона. Если раскается, осознает, кем посмел пренебречь, то, может быть, трахнуть его. Как-нибудь унизительно, чтобы до пенсии краснел от воспоминания. Но не планировала оставлять его у себя дольше чем на ночь! Попользовать и выпихнуть в туманное серое утро.

И как я теперь останусь в квартире с ним наедине? Очнется, придушит меня – нормально?

– Э, стоять. Я вас еще не отпускала, – тормознула я ребят, бодро шагавших на выход. – Разденьте его и суньте в клетку, что ли...

– Это в собачью? – с сомнением уточнил Глеб.

– А у меня еще какая есть? – язвительно поинтересовалась я и ушла смывать макияж и переодеваться.

– Юлия Андреевна, мы закончили.

– Он в клетке?

– Ну да.

– Убрался?

– Ну... да. Всунули.

Я тяжело вздохнула. Встала, чтобы самостоятельно оценить масштаб упаковки подарка. И конечно, неприлично выругалась.

– Зачем вы его всего раздели?

– Вы же сами сказали, Юлия Андреевна.

– Глеб, я имела в виду пиджак, ботинки... А, плевать.

Пока я сокрушалась на исполнительность телохранителя, глаза пировали, разглядывая идеальное подтянутое мужское тело. Даже в том положении, в котором мужчину запихнули в собачью клетку, он выглядел потрясно. Офигенное тело, офигенные яйца и... да, орган тоже впечатляющий.

– Чего же ты заартачился, придурок? Нам было бы так хорошо этой ночью...

– В смысле, Юлия Андреевна?

Я закатила глаза.

– Это не тебе. Можете уходить.

– Завтра как всегда?

– Нет, Глеб, завтра я буду высыпаться и знакомиться с новым песиком.

– Как скажете, Юлия Андреевна. Позвоните тогда, как надумаете выходить.

Через минуту захлопнулась входная дверь, и я без лишних свидетелей приблизилась к клетке. Рука сама потянулась погладить растрепанные вихры мужчины, провести ладонью по груди к прессу. И даже зарыться пальцами в короткие аккуратные кудряшки на лобке.

Никогда не думала, что деревенщины ходят в салоны и следят за своей интимной зоной.

Мужчина был красив. Без всяких «но» и оговорок. Если бы не грязный язык.

Напоследок я провела рукой по члену, сжала, чувствуя его мягкую упругость, и с сожалением пошла в постель спать. Одна.

* * *

Утренние потягушечки быстро прервались воспоминанием о подарочке. Или я сейчас обнаружу холодный труп в клетке и нужно срочно вызывать Глеба – закапывать, или мой песик очнулся и хочет объяснений.

Так вот, нет ничего лучше, чем вдыхать аромат свежесваренного кофе и надменно поглядывать на униженного и морально распятого кобеля.

Вот только своей самоуверенности и наглости песик не растерял.

Я впервые почувствовала азарт! Сколько понадобится времени, чтобы обломать этого лухаря? В себе я больше чем уверена. Через неделю он будет ползать у меня в ногах и вилять хвостиком.

Прихлебнула кофе, довольная мыслями и предстоящим развлечением, когда парень изменил положение в клетке, нацеливаясь своим хвостиком в меня.

– Ты охренел, что ли?

В ответ он просто окатил меня мочой.

Я отбросила чашку и развернулась к выходу, но поскользнулась на луже и рухнула навзничь, головой к клетке. Лухарь закончил мочиться мне на лицо, стряхнул член и, смотря на меня сверху вниз, произнес:

– А теперь метнулась за ключами и открыла клетку. Живо.

Я отползла, встала на ноги и не удержалась: подошла к клетке и трижды пнула в бешенстве. Отшвырнула тупые тапки на каблуках и спряталась в ванной. Под струями горячего душа поливалась гелем и рыдала.

Урод! Кобель! Деревенщина! Сгною.

Если вначале хотела помучить и дать под зад, пусть летит на все четыре стороны, то теперь не выпущу, пока не сдохнет, козел.

Не знаю, сколько я проторчала под душем, но опухшее от слез лицо, покрасневшие глаза и раздувшийся нос окончательно добили.

– Глеб? Нет, никуда не еду. Приезжай ко мне. И возьми Юру. И веревки. Или гвозди. Прибьем козла к стенке.

– Какого козла, Юлия Андреевна?

– Которого вы мне вчера привезли, – зло огрызнулась я.

– Хотите золотое руно растянуть на стене? – блеснул познаниями древнегреческих легенд Глеб, чем выбесил меня еще больше.

– Золотое говно хочу растянуть! Кишки из него выпустить!

– Тогда гвозди не подойдут, Юлия Андреевна. Соскользнет. Лучше саморезы.

– Лучше так лучше. Бери саморезы и быстро ко мне.

Вот сейчас, лухарь, ты поймешь, как просчитался. На Юлю Обухову еще никто член не стряхивал.

Я поджала губу, осознавая, что теперь есть такой козел. Ну, значит, после этого еще ни один не выживал.

Очень хотелось выглядеть эффектно во время казни, поэтому поспешила в спальню: наложить макияж, сделать укладку и выбрать сногшибательный костюм. Пусть подохнет с осознанием своего ничтожества, козел.

Уже выдавив на кисть тональник, вспомнила о состоянии кухни. Мать моя! Глебушка с Юркой догадаются же, что тут произошло. Надо срочно спрятать улики.

Смазала тональник салфеткой, схватила телефон, чтобы вызвать уборщицу, и снова застыла.

Мать! Она еще больше ржать будет, если сопоставит мочу и разлитый кофе. Отложила телефон.

Так что, мне *самой* убирать за ним мочу придется?!

С невыносимой брезгливостью на лице, под презрительным насмешливым взглядом козла я возила тряпкой по плитке, матерясь оттого, что вонючая жидкость не собирается в тряпку, а размазывается по кухне.

– А ты не пробовала взять ее двумя руками и наклониться пониже? – комментировал из клетки козел.

– Сам возьми, – огрызалась я.

– Открой клетку.

– Открою-открою, – пообещала я, усмехаясь и роняя тряпку на пол.

Зачем мне ее вообще трогать? Я вспомнила, что в подсобке были палки. Принесла одну и уже с ее помощью возила тряпкой по плитке. Когда почти все впиталось, я так же, палкой, закинула тряпку в мусорный бачок, принесла освежитель воздуха и под мат козла обильно побрызгала плитку и кухню. Не удержалась и почти облила лухаря аэрозолем магнолии.

– Сучка!

Он тряхнул клетку, и я отскочила. Вот реально же зверь. Правильное я ему место определила. В клетке.

И тут пришли ребята.

– Куда его, Юлия Андреевна, приколачивать?

– Приколачивать? – Лухарь побледнел, потом сверкнул глазами и схватил руками прутья клетки. – Прекрати. Прекрати, пока еще не поздно.

– Поздно. Я такие ошибки никому не прощаю.

Он зарычал, вызывая во мне подсознательный страх перед зверем. Ну нет, теперь я точно не смогу его отпустить.

– Вытаскивайте его и отделайте, как отбивную перед жаркой.

Я не успела уйти, когда услышала звук вибрации и знакомый звонок.

– Глеб?

– Да, Юлия Андреевна?

– У тебя телефон.

– Нет, это не мой, Юлия Андреевна.

Я перевела взгляд на Юру, тот сразу помотал головой, показывая мне свой смартфон с темным экраном.

– А вещи этого урода куда кинули?

– Дык в подсобке.

В подсобке. Ну конечно. Я брезгливо вытянула двумя пальцами пиджак от Армани, достала из внутреннего кармана вибрирующий и неумолкающий айфон. Даже присвистнула, поняв, что это последняя, только анонсированная модель, за которой я еще стою в очереди. И посмотрела на список пропущенных.

Там с постоянным упорством названивали Тем, Алина и Даша.

– Твои соски уже хватились тебя. Ах, какая будет потеря для общества!

Пленник зло прищурил глаза, не опуская прямого взгляда. А вот я не выдержала, опустила. Все его тело напряглось, выступили вены, красиво обвивая накачанные мышцы рук, ног и пресса. И я снова с сожалением вздохнула. У нас все могло бы получиться по-другому. Но не сложилось.

– Глеб, один справишься?

Тот оценивающе посмотрел на мужчину в клетке и кивнул.

– Тогда Юру забираю. Поеду с девочками потусую.

Юра помимо охраны моего тела еще подрабатывал личным водителем. А в Глебушке я была уверена: он отмудохает парня так, что уже завтра тот ссать под себя будет.

Вечер прошел задорно, у меня даже из головы вылетело, что творится дома. Я пригласила девчонок к себе на продолжение вечеринки. И только с порога, вдохнув навязчивый аромат магнолии, вспомнила про гостей.

– О-о-о-ой, девки! У меня тако-ой мальчик есть! Пошли все на кухню, покажу, – пьяно рассмеялась я, уверенная, что мой песик уже смирно лежит в клетке, обломанный Глебушкой, а уборщица уничтожила все следы утреннего столкновения.

Все было почти так, как я и думала: в кухне чистенько, песик на месте. Помятый – кровоподтеки на боках я видела даже от входа, лицо он закрыл содранными до крови руками. Так и сидел, не пошевелившись.

– Ого! Юлька, ты его держишь в клетке?

– Вот это причиндалы!

– Офигенный экземпляр. А лицо чего закрыл? Эй, пацан, руки убери, дай тебя рассмотреть.

Девчонки обступили клетку, бездумно просовывая внутрь руки и теребя, тыкая зверя. Но это я знала, что он кусается, а их никто не предупредил.

– Эй, аккуратнее с ним, я еще прививку от бешенства не сделала.

Девки рассмеялись шутке, расползаясь по кухне, перекидываясь идеями, как занять вечерок с учетом наличия обнаженного пса. Я как раз достала две бутылки игристого, когда зверь отнял руки от лица и хрипло произнес:

– Воды дай.

Слова словно прострелили пространство кухни, мгновенно выключив звуки девичьего щебетания на кухне и сосредоточив внимание всех на мужчине в клетке.

– Боже, я бы ему отдалась, – сразу прозвучал вердикт подруги, а я хмыкнула, потому что сама на это попалась.

Вот только непонятным осталось, почему лицо у песика целое, без единого кровоподтека? Я отдала бутылку шампанского девчонкам, моментально сгрудившимся возле клетки, а сама набрала Глеба:

– Ты теперь плюешь на мои приказы?

Он что-то ответил, но за общим гамом и визгом девок я не разобрала.

– Почему ты его не отделал? Я вообще завтра его выбрасывать хотела. А он сейчас сидит и жрать-пить требует. Нормально вообще?

Глеб снова что-то говорил в свое оправдание, но я отвлеклась от разговора, охреневая, как подруги быстро включили парня в вечеринку, поливая его шампанским из бутылки и скармливая нарезанные фрукты и виноград.

– Эй-эй! Он у меня на собачьей диете, – перекричала я их восторженные крики, видя, что парень покорно берет губами дольки персиков из их рук и улыбается. Улыбается, а не скалится, как мне.

Признаюсь, я даже подзависла над этим эротическим кормлением. Но уже в следующий момент поймала на себе его злой взгляд. Значит, не смирился? Одной порки маловато, кобелина?

Я отодвинула девочек, достала из нижнего ящика собачий сухой корм, который привезли вместе с клеткой для моего будущего щенка из элитного питомника, взяла горсть и швырнула в парня. Тот даже не дрогнул.

Так мы и застыли друг напротив друга, с ненавистью глядя глаза в глаза.

– Юль Андреевна, вы меня слышите?

Глеб все прорывался с оправданиями в телефон.

– Ну?! – резко крикнула я.

– Отец ваш звонил! Я не брал трубку, но понял, что овца-то у вас в клетке не простая, а золотая, раз сам Обухов в справочник телефона забит.

– Куда мой отец звонил? – не сразу сообразила я.

– Дык в телефон. В его телефон, который вы в прихожей оставили.

У меня подкосились колени. Я нервно сглотнула, не отрывая взгляда от с моего подарочка, отрубила свой телефон и взяла его. Девки сразу заулюлюкали. Ясное дело, ни одна из нас еще не держала в руках последнюю модель.

Открыла журнал звонков и сползла по стенке на пол. Три пропущенных от папы на айфоне лухаря.

Мне ка-пец!

А может, это не папа? В столице же до фига Обуховых. К тому же у этого деревенщины наверняка вообще в столице знакомых нет.

Дрожащими пальцами я нажала на контакт и поднесла телефон к уху, требуя у девок помолчать с минуту.

– Ох, Руслан! – без предисловий завопил на том конце соединения мой папа. – Как же ты меня, черт, перепугал! Где ты? Мезуров тут всех на уши поставил. Грит, последняя, с кем тебя видели, – моя дочь, Юлька. Да не может же быть...

– Па-а-ап, – жалостливо пропищала я в ответ. – Это я.

– Юлька?! А где Ермаков?

– Какой Ермаков? – Я не сбавляла жалость, жопой чувствуя, что мне еще тонны понадобится.

– Твою мать! Юлька! На хрен!

– Папочка...

– Заткнись, дура. Скажи, что это он тебя заграбастал, а не ты его?

– Я...

И тут из меня полились слезы. Кажется, я не на тот подарочек покусилась.

– Твою ма-а-ать! Ты где? Он жив?

– Дома. Он со мной.

– Щас буду. Ближко к нему не подходи, поняла?

Я кивнула, даже не заморачиваясь, что папка по телефону не увидит. Отложила айфон и повернулась к девочкам:

– Ни одна из вас Руслана Ермакова не знает?

Девчонки замотали головами, а козел громко расхохотался.

– Черт, – досадливо пробормотала я, пнув подвернувшийся пуфик. – Капец мне, а не Милан.

Глава 4

Принесенные извинения

Вряд ли я мог относиться к ситуации серьезно. Сейчас, когда звездень брезгливо зажала половую тряпку двумя пальчиками и пыталась потереть пол, я больше залипал на то, что, не смущаясь, мелькало у нее под халатиком.

Отличная подкачанная задница, стройные длинные ноги. И рука сама тянулась поблудить между этих ножек, но клетка... Снова накатывало бешеное раздражение. Ну какого напарник медлит?

Забавно было наблюдать, как девица решает вставшую перед ней бытовую проблему. Почему не позовет домработницу?

Но я недооценил заразу. Она позвала телохранителей. Вчерашнего бугая, которому мышечная масса явно заменяла мозги.

– Куда его, Юлия Андреевна, приколачивать?

Приколачивать? Вот тут, наверное, впервые, у меня несколько сдали нервы. Я не рассматривал заточение как билет в один конец. Был уверен, что скоро мы поменяемся с Юлией Андреевной местами, и вот тогда...

Пока девица определялась с планами и шмонала мои вещи, меня терзали два вопроса. Что будет с девочками (хотя за брата я тоже волновался)? И как мне выбраться самому, если уж я не могу положиться на помощь Мезурова.

– Глеб, один справишься? – Звездень закончила утреннюю разминку по острословию и передала меня на силовую тренировку.

Я обрадовался, когда понял, что теперь между мной и свободой стоит только шкаф без мозгов. Но разогреться и подготовиться к схватке он не дал. Логично, я бы тоже не стал отказываться от преимущества.

Тело – затекшее, неразогретое – болезненно принимало на себя многокилограммовые удары. Я охал, уклонялся, падал. Но за основную тактику взял отступление. Пока противник, усмехаясь, обходил предметы мебели, я разминался, разогревался, чувствуя, как в мышцы возвращается жизнь.

Ничего, вылезу из этой передрыги, проверю козу на всем оборудовании по растяжке и сжатию. В консервную банку суку закатаю!

Вот и первый удар, который я с удовольствием обрушил на мордоворот. Тот не уклонялся. Его фигура не была приспособлена под уклонение – только напор и давление. А мне пока везло уходить от его хаотичных ударов кулаками.

Шкаф злился, пыхтел и теперь целился по корпусу, оставив попытку вмазать мне в морду. А вот я, наоборот, точно кवासил ему рожу. Болезненно, восприимчиво. Слепит, глушит и дезориентирует.

Он взревел, и тут его отвлек первый звонок из прихожей. Я узнал свой айфон и клиентский вызов. Клиентский, а мне сейчас не до работы. Момент освобождения ярко забрезжил в конце коридора.

Влепил бугаю в ухо и тут же оттолкнул ударом ноги в грудь. Бугай завыл, вылетая из кухни в прихожую. Тут повторно раздался звонок. Пока я шел за противником, тот схватил мой телефон и грязно выругался, недоверчиво оглядывая меня.

– Продолжим? – Я приподнял бровь, поднимая кулаки скорее по привычке, чем из расчета, что поединок перейдет в классический.

Но бугай, неловко поднявшись, помотал головой, взревел и понесся всей массой на меня. Я был зажат узкими стенами прихожей и несущейся на меня тушей.

Он припечатал меня к стене, и свет снова выключился.

Очнулся я опять сложенный в клетке. Бугая рядом не наблюдалось. Тело ломило с большим подозрением на сломанные ребра.

Твою же мать!

Неловко перевернулся на колени, несколько раз осторожно вдохнул. Определенно бугай мне все отшиб, но сломанных костей я не почувствовал. С чего бы такая милость?

Итак, Юлия Обухова, папин избалованный ребенок. Без чувства самосохранения, без чувства меры и моральных границ. Типичная сказочная звезда. Но имеет особенные замашки. Все эти клетки, приколачивания. БДСМщица? Доминантка? Почему тогда не осталась посмотреть, как мне руки выворачивать будут и морду разбивать?

Вот, кстати, о морде – не тронул. Значит, звездень еще имеет на меня планы. Seriously? Думает, я стану ее трахать после подобного содержания?

В голове мутилось, чувствовались обезвоживание и голод. Черт, мне бы хоть полстакана воды...

Почему медлит Мезуров? Он мог не хватиться меня, если управляющий клубом – очередная продажная тварь. Подняли панику, а ее точно подняли, потому что за столом меня остались ждать две девицы – пианистка и худая, – управляющий сразу увидел бугая Обухова и его дочь, позвонил, тот отстегнул в карман сумму и... конец. Мезуров не хватится меня неделю.

Выживу ли я здесь неделю? Нет.

Выживут ли мои девочки под присмотром брата неделю? Тоже нет.

Твою ж...

Но если Алина или Даша догадаются позвонить дяде Олегу или его жене Ксении, то есть шанс, что меня найдут быстрее.

Эта мысль принесла облегчение. Девочки у меня сообразительные, они точно догадуются! Я никогда дольше чем на сутки не пропадал. Они уже сегодня к вечеру всполошатся.

Входная дверь открылась, кто-то вернулся. Бугай – добить? Звездень – поиграть?

Но приятной неожиданностью стало появление домработницы. Малазийка или филиппинка. Она встала в дверном проеме в кухне и в шоке разглядывала меня.

Хм, неужели Юлия Андреевна не так часто заселяет эту клетку «песиками»?

– Привет, – открыто улыбнулся я, все же не делая никаких движений, чтобы не спугнуть. – Хозяйки нет, но она просила покормить меня, – закинул я пробный шар.

На домработницу это никак не повлияло. Она отмерла, ушла в подсобку и вернулась уже переодетой и готовой к капитальной уборке.

Языка не знает?

Следующие полтора часа я пытался жестами и на разных языках попросить дать мне воды, еды и открыть клетку. Домработница предпочла игнорировать меня.

Ладно. Но это еще один вариант выбраться на свободу или не сдохнуть от обезвоживания. До вечера я забылся тревожным полусном, очнувшись только при возвращении звездюшки в компании таких же.

Девицы облепили клетку, и я впервые опьянел от нескольких глотков шампанского. Я не брезговал брать еду с рук – похрен что, но это калории и жидкость. Ловил ртом струи игристого, стараясь вобрать в себя побольше. Поссатью я могу в любое время, чем выведу звездень из себя, та позовет бугая, я уделаю его и свалю...

Мысли о свободе и скорой мести пьянили не хуже шампанского. Я скалился в сторону Обуховой, рисуя в голове картины расправы. Да, коза, ты к концу недели будешь поводок в зубах приносить. Выдрючу тебя так, что ноги мне лизать будешь!

– Расходимся, девки. Папочка мчится порядки наводить.

Слова девицы отрезвили. На ней не было лица, голос дрожал, с меня не сводила испуганных глаз. Да и неожиданное прозрение, что я Руслан Ермаков, вряд ли пророчески свалилось ей на голову.

Значит, Обухов мчится сюда?

Интересно, закапывать, чтобы концы в воду, или освобождать, потому что хвост прижал Мезуров?

Впервые я пожалел, что так жадно нахлебался шампанского. Никогда его не любил, а теперь еще не в состоянии собрать себя в кучу, чтобы не упустить шанса освободиться.

Оставшиеся полчаса прошли в напряжении. Девица лихорадочно убрала последствия вечеринки, причем шампанское с плитки стирала куда увереннее и качественнее, чем мочу. Вот что значит тренировка.

Немного помялась возле клетки, но на мое игривое предложение выпустить все же не решилась. Отца встречала в лучших традициях Большого театра: заламывая руки, красиво роняя слезы и всячески раскаиваясь, что ситуация вообще имела место быть.

А я ждал. Ждал, когда смогу выбраться из клетки.

Обухов ворвался в квартиру, как будто полстолицы бежал ногами от своры голодных волков.

– Где?...

Но ему хватило одного взгляда из прихожей в глубь квартиры, чтобы увидеть меня. Он отодвинул за плечи хнычущую и жмущуюся к нему дочь, подскочил к клетке и открыл, помогая мне выпрямиться и выйти.

– Руслан Александрович, это какое-то недоразумение... Это какая-то ошибка... Чтобы Юлька?... Никогда! Мы все исправим, все загладим...

Теперь настала моя очередь отодвинуть излишне болтливого Обухова. В один прыжок я оказался возле козы, сжал горло и прижал к стене, медленно смыкая пальцы на ее шее.

За спиной верещал Обухов, но ссал лично оттащить меня от дочери. А я наслаждался диким страхом в глазах задыхающейся твари. Она цеплялась за мою руку, пытаясь освободить горло, вращала глазами и открывала рот в надежде вздохнуть последний раз.

Я щерился и сжимал пальцы все сильнее. Таким испорченным тварям одна дорога...

Обухов вызвал своих бугаев. Дверь распахнулась, и двое, не мешкая, оттащили меня от посиневшей твари, но, повинаясь жесту Обухова, отпустили и теперь просто стояли на пути к рыдающей на полу козе.

Молча прошел в подсобку, достал штаны и рубашку. Не торопясь застегнул каждую пуговицу, закрепил манжеты запонками. Пижонство, но положение требует даже на помятой рубашке носить атрибуты состоятельности. Привычным движением сунул айфон в карман и повернулся к Обухову.

– Эта пойдет со мной в расплату за причиненные неудобства. – Я не просил – я приказывал.

– Нет, пожалуйста! – Обухов, этот горделивый зазнаистый толстосум, рухнул передо мной на колени, вцепился и в без того помятые брюки и заголосил: – Единственная... Она у меня одна-единственная. Доченька... Кровиночка!..

– Воспитывать надо было лучше, – процедил я, отпихивая прилипшего к ногам папашу. – Сам не справляешься – стоит передать специалистам.

– Умоляю! Заплачу, сколько скажешь!

– У тебя нет столько, чтобы покрыть ущерб. Но можешь обменять, – задумчиво прикинул я новый план.

– Что угодно! Что угодно!

– Твоя жизнь в обмен на ее.

Обухов отлип сам. Тяжело опустился на задницу, прижал руку к сердцу и жалостливо смотрел на меня снизу вверх.

– Так что, Андрей Григорьевич, чья жизнь стоит дороже – своя или обнаглевшей кровиночки? – насмешливо поинтересовался я. – Сейчас ночь, и мне хочется выспаться. Так что жду подати к вечеру. В центральном клубе Мезурова.

Обухов кивнул. Я повернулся и вышел, но по стечению обстоятельств замешкался, пытаюсь влезть в ботинки без носков. Этой заминки хватило, чтобы услышать злой шепот Обухова, уверенного, что я уже ушел:

– Кончать его надо было, а не отпускать. Теперь всю кровь, срань, выпьет...

– Догнать, может, Андрей Григорьевич?

Тяжелый вздох и звук грубой пощечины. По ответному визгу догадался, что досталось «кровиночке» от души.

– Хрен знает, кому легче жопу вылизать: Русу или Олегу. Буду надеяться, что Ермаков быстрее отойдет. Мезуров – тот сразу устраняет.

Я ухмыльнулся, достал телефон и набрал Олега Мезурова.

– Значит, Обухов? – уточнил он.

– А ты сомневался?

– Гнида. В клубе не оставил ни одной зацепки. Только твои профурсетки навели на мысль, что главная именинница вечера и есть та самая похитительница. Так я вышел на Обухова.

– Хм... А что с ушлым управляющим клуба?

– Как обычно, разжалован в садовники. Теперь цветочки удобряет.

Ясно.

– Ты где? Я сначала домой, своих успокою, потом в салон, привести себя в порядок, – поделился я планами с напарником.

Олег цокнул языком:

– Я вообще-то у тебя. Так что тащи сюда кости, а там порешаем порядок дел.

Минут через сорок, трижды сменив такси, я приехал домой. Даша подскочила первая, подпрыгнув, обхватила за шею и, как мартышка, зацепила ногами талию.

– Русик, мы так испугались! Тебя не было. На звонки не отвечал!

Алина заметила меня уже после Дашки. Завизжала, отпихивая сестренку, обхватила за талию и разрыдалась.

– Это я позвонила Олегу. Прости. Ты же никогда не пропадал так надолго.

Чуть морщась от болезненных ощущений после драки, я прижал к себе обе белокурые головки сестричек-девятилеток и посмотрел в глаза брату, державшемуся в стороне, но явно испытывающему не меньше чувств от моего возвращения.

– Как ты?

– Нормально, Рус. Ты это... прости... Про футбол. Я же не знал. Больше девчонок одних не оставлю.

Я кивнул, теперь уже строго обращая их внимание на позднее время и режим.

– Форс-мажор закончен, – скомандовал я. – Живо умываться, чистить зубы и спать!

– А почитать?

– Сегодня пропустим.

– Ты им читаешь? – насмешливо влез Олег.

Я скривился:

– Не лезь в мои методы воспитания, ладно? Все, козочки, покажите мне, какие вы шустрые! Через пятнадцать минут приду – проверю!

Тем мужественно вызвался проконтролировать, как девочки лягут спать, а мы с напарником вышли на лоджию. Олег закурил, а я отказался.

– Я тебе говорил, что твоя стратегия быть незаметным – хреновая! Тебя из клуба умыкнула какая-то свистушка!

– Это был форс-мажор, Олег.

– Надеюсь, ты одумаешься и возьмешь моих парней в сопровождение.

Пожал плечами. Мне теперь многое придется пересмотреть. Я даже не задумывался, насколько уязвим.

– Обухова в черный список, если завтра к обеду не приведет свою козу.

Олег кивнул:

– А если приведет, что делать с ней будешь?

Я усмехнулся. У меня было очень много планов, что, как и сколько всего я могу с ней провернуть. Только дотянуться бы до твари.

– Ломать буду. И пока каждую косточку не перемелю – не отпущу.

– Дурак. Это разрушительные эмоции. Мне Киса рассказывала. Лучше сразу: пух в лоб – и закопать поглубже, чтобы настроение не портить. А истязания, наблюдения за всеми этими рыданиями... Не...

– Олег, давай уж я сам для себя решу, как хочу проучить эту козу.

– Тогда не привязывайся к ней. Влезет в сердце – потом хрен вырвешь.

– Она? Да никогда!

– Не зарекайся. У тебя слишком мягкое сердце...

Мезуров смял докуренную сигарету и перевел взгляд на улыбающихся и машущих мне на прощание девочек.

– Смог бы ты отдать на откуп их? Они ведь даже не твои дети.

– Это дочки моей сестры, – выдвинул подбородок я, предупреждая, что такие темы поднимать в разговоре не люблю, даже с Мезуровым.

– А еще это дочки ублюдка, который выбросил твою сестру из окна. – Олег умел находить и бить в больные точки.

Я сжал кулаки, но промолчал.

– Он пять лет истязал твою сестру, а потом убил ее. Получил за это пять лет срока. Скажи, разве это справедливое наказание? Не проще было закопать его в лесочке удобрять грибочки?

– Олег, прекрати на хрен.

– Угу, я-то прекращу, но... Сможешь ли ты хотя бы выпороть Обухову ремнем, имея такой пример издевательств над сестрой? Нет? Тогда подумай хорошенько, какие у тебя сильные стороны, чтобы приструнить зарвавшуюся принцессу.

Мезуров уже уходил, когда резко развернулся и напомнил:

– И возьми, мать твою, охрану! Я не готов усыновлять еще троих, если тебя не станет. Кэс мне уже на мозги капает. Понял?

Кивнул.

– Ну лады. Вечером в офисе увидимся. Приходи в себя – выглядишь неважно.

Приходил в себя с трудом, подогревая тлеющим желанием проучить звездень по полной. Но вечером она не пришла, а явился Обухов с личными извинениями.

Злость клокотала внутри, разливаясь ядом по крови. Но я умел ждать. Я не достиг бы успехов, если бы не умел ждать подходящего времени.

– Олег, Обухова в расход, но медленно, по капле в день, – процедил я сквозь зубы, прожоя расслабившегося папашу взглядом.

– Давай сам. Вижу, это порно ты хочешь продюсировать лично.

Я только криво усмехнулся. Да, я сделаю это тоньше, чем Мезуров. Пока дочь Обухова лично не приползет на коленях и не принесет губами свои извинения.

Глава 5

Париж-Милан

Как. Меня. Трясло!

Я до последнего думала, что он меня убьет. Сначала думала, что меня убьет зверь, потом – папа.

– Собирайся и вали, – прохрипел папа, когда наотмашь звезданул меня по щеке, а потом отпустил зверя.

– За что-о-о?! – завывала я и еще больше испугалась, когда папа жестом отпустил свою охрану.

– Ты сказала, это обычный задрот!

– Ну, так и было, – растерялась я.

– Где было?! В элитном клубе Мезурова? В VIP-его-мать-зале? Много туда задротов пускают?

– Я думала, простой лухарь, деньгами порисоваться пришел, – заныла я, зная, что папа все равно пожалеет. Или окончательно психанет и оставит меня в покое.

– «Думала» она, – передразнил папа, смахивая испарину со лба.

А вот это был плохой признак – он нервничал, хотя мне казалось, все уже кончилось.

– Значит, так, собирай манатки и сваливай в Европу. На месяц. И чтоб обратно ни ногой, пока не позвоню и не скажу, что можно.

Я обрадовалась! Ну блин, сама же собиралась отпроситься в Милан. Еще прикидывала, как оправдать просьбу и вытащить из папочки побольше денег. А тут он сам.

– Ссылка, что ли? – сдуру пошутила я.

Но папа навис надо мной, поднося трясущийся кулак к моему носу, и процедил:

– Ссылка, твою мать. И молись богу, чтобы не пожизненная эмиграция. У меня на тебя планы были, и не на похороны, дура.

Я впечатлилась. Реально впечатлилась. Когда папа, вместо того чтобы после внушения уже свалить из моей квартиры, пошел в спальню, достал из гардероба чемодан и, не глядя, стал пихать туда шмотки.

– Эй-эй, давай я сама разберу, что взять!

– У тебя пять минут, потом ребята отвезут в аэропорт.

– Пап, мне сегодня, что ли, лететь? Ты не перебарщиваешь? Подумаешь, какой-то Ермаков...

– «Подумаешь», – снова передразнил он. – Это элитный, на хрен, сутенер. А теперь подумай.

– Ермаков – сутенер? Ты шутишь?

– Я похож на клоуна?

Я помотала головой:

– Нет. И он на сутенера не похож. А почему ты боишься какой-то свахи?

Папа снова отер испарину и посмотрел на меня тяжелым взглядом, прежде чем ответить:

– Эта сваха держит за яйца полстраны, детка. Он даже обидеться не успеет, а мне на хрен уже куриные яйца купить не на что будет. Так что убегай. Спрячься и не напоминай ему, что ты еще дышишь. Авось пронесет.

Наверное, еще тогда я должна была испугаться и проникнуться, но вместо этого истерически расхохоталась. Это же представить только: я на сутки посадила в клетку элитного сутенера, от которого трепещет полстраны! Да, я тоже на его месте хотела бы меня уничтожить, только ради неразглашения этого позорного факта в своей жизни.

Поэтому из страны я вылетала, прихватив подругу, в приподнятом настроении, что день рождения прошел не зря. Сутенер запомнит меня надолго, хоть папа и надеется, что я сотрусь у него из головы.

Шампанское кружило голову, устрицы и улитки в чесночном соусе с зеленью дразнили изысканностью. Походы по бутикам и на показы валили с ног. Так я еще не изматывалась ни в один из модных выездов.

А папа молчал.

Я тратила деньги, меняя отели, переезжая из города в город, снимая клубы, коттеджи, яхты.

А папа молчал.

Мне было скучно. Я подцепила мальчика и заставила вылизать меня с ног до головы, но меня раздражала покорность. Перед глазами застыл взгляд зверя и немое обещание распять за плохое поведение.

– Ты можешь жестче? – посмотрела я на копошащегося между ног парня.

– Как пожестче? Хлопнуть тебя по попке?

– Нет. Оттрахать меня грубо можешь?

– Ну... могу.

Уже ответ мне его не понравился. А потом и попытки продемонстрировать грубый секс взбесили. Парень долбился в меня, как дятел в бревно, периодически шаловливо хлопая по ягодицам. Не то, все не то. В нем не хватало ярости, грубости... Он не был зверем.

Я оттолкнула парня и попросила Глеба выпроводить его.

Нервно курила на широкой веранде, поглядывая на снующие машины с двенадцатого этажа, когда вошел Глеб и устало облокотился на балюстраду.

– Чо, Юлия Андреевна, не нагулялись еще? Может, домой?

– Домой? – с тоской протянула я, прикидывая, что там ничего интересного тоже не будет. – А Лизка?

– В номере еще.

– М-м-м... А отец? Он звонил тебе?

– Андрей Григорьевич? Не, он не звонил. А Юрка звонил.

Я поморщилась. Вот уж чьи дела меня совершенно не интересовали, так это Юркины.

– Грил, хреново там у них все. Скоро все без работы останемся.

– Чего? – Я поперхнулась дымом.

– Как чего? У отца-то вашего госконтракты забрали, штрафы выставили. По холдингу дело завели, недоимки накручивают. Юрка грит, как бы не рухнул хозяин с приступом...

– Ты дебил?! – завизжала я на максимально доступных для меня децибелах. – Какого ты раньше молчал?!

– Дык вы не спрашивали, – растерялся Глеб. – Я думал, вы знаете.

– Откуда?! Откуда я могу знать? Отец мне не звонил ни разу!

– Наверное, расстраивать не хотел, Юлия Андреевна.

– Заткнись! – оборвала я. – Вытаскивай Лизку, пакуем чемоданы.

– Домой? – обрадовался идиот.

Но я только всплеснула руками. Ну как можно быть таким дебилом?!

Уже в аэропорту по прилете меня ждал сюрприз. Лизку встретил водитель, нас – нет.

– Это еще что за фокусы?

– Юль-Андреевна, не звоните сразу отцу, рано еще. Давайте я Юрку наберу.

– Ну набери, – процедила я, скидывая номер и направляясь к кофейному аппарату.

Но, как назло, никакой мелочи в сумочке не завалилось. Чертыхнувшись, вернулась к Глебу и успела услышать рев папы в телефоне:

– Я сказал, два месяца чтоб ноги ее здесь не было! Вези обратно.

– Есть, Андрей Григорьевич. Извините, все из-за Лизаветы... Да, Андрей Григорьевич. Усек, Андрей Григорьевич. Подальше, да. Простите, Андре...

Тут, видимо, папа отрубил вызов, потому что Глеб беспокойно отнял телефон от уха и с минуту смотрел на него, словно ожидая, что папа перезвонит.

– Что он сказал? – отвлекла я телохранителя.

– Что вы едете покорять Нью-Йорк, Юлия Андреевна.

– Так и сказал? – удивилась я, впервые отмечая проблески чувства юмора у Глеба.

– Сказал другими словами, но суть я уловил.

– Отлично. Тогда ловим такси. А, нет. Сначала багаж заberi, я подожду тебя там.

– Нет-нет-нет, Юлия Андреевна! Мы на такси до Нью-Йорка не доедем.

– Да ну?

– Там океан.

Твою же мать...

– Глеб, я никуда не лечу. Я приехала к папе, к нему и поеду.

– Мне велено применить силу, если вы начнете сопротивляться, Юлия Андреевна.

– Глебушка, начни хоть иногда применять ум вместо силы? Ну затащишь ты меня в Нью-Йорк, а папе наступит крышка. Юрку и тебя уволят, мою кредитку заблокируют. Нет денег, нет билетов обратно, и мы застряли в Америке! Ну?

– Как-то не очень...

– Значит, мы должны послушаться папу и помочь ему?

– Мы?

– А кто еще ему поможет? Только я! Ну и ты, если все же заберешь мой багаж.

Нанять пришлось два такси. В одном ехали мои вещи, в другом я с секьюрити.

– Когда Андрей Григорьевич узнает – убьет, – бухтел Глеб.

– Тогда и проблемы улягутся. Отнесете мое бездыханное тело зверю, и он отпустит папины грехи.

Пусть я шутила, но чувствовала некоторый азарт от встречи с Ермаковым, хотя в душе все же копошились неприятные мысли. Мне кажется, принеси ему мой труп, он даже тогда надругался бы над ним и все равно не простил папу. Но ведь несправедливо заставлять страдать его, когда лоханулась я.

Захотела поиграть с мальчиком, а в результате и развлечения не получила, да еще на семью неприятности навлекла. Полагаю, раз сама запутала этот узел, самой и развязывать.

А папа... С папой договоримся. Я всегда договариваюсь с папой.

– Мне телефон Ермакова нужен.

– Зачем? – испуганно пробасил Глеб.

Ага, я когда увидела в мясо разбитое лицо телохранителя, не сразу сообразила, что это зверь постарался. И нежелание Глеба снова сталкиваться с Ермаковым мне понятно. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь.

– Просто достань.

– Не буду. Андрей Григорьевич убьет...

Я фыркнула, молча злясь. С другой стороны, может, и к лучшему оставить разговор до вечера. Успею подготовиться морально и физически. Надену самую модную тряпку из Милана.

– Ладно, тогда переведи свой телефон в режим полета, – поменяла я решение.

– Зачем?

– Просто переведи! Не тупи. Для папы – мы летим в Нью-Йорк. Пусть не волнуется, вечером решу все его проблемы.

Вот я была наивная!

* * *

Не знаю, какого я поперлась в тот самый клуб, где «сваха» назначал встречу с папой. Почему-то решила, что там Ермакова больше шансов встретить. Но перед выходом я себя вылизала.

Чтобы не светиться по салонам, вызвала мастеров домой и восемь часов меня обрабатывали скрабами, масками, кремами, колдовали над волосами: одни безжалостно эпилировали, другие доводили до нереального блеска. Маникюр, педикюр, макияж.

И вот я, уставшая, но невероятно эффектная, стою перед зеркалом и сама офигеваю от собственной красоты.

Так хочется сделать фотку и запостить в «Инст»! Натё, сучки, подавитесь – сегодня я иду в клетку к зверю и все равно поимею его. Хотя Ермаков искренне будет считать, что это *он* имеет меня.

Я могу кому угодно ссать в уши, но не себе же? Меня тянуло обратно только из-за него. Он как незакрытый гештальт. Ведь я всего лишь хотела трахнуть его, но вместо этого раскатала катком. А с униженными и растоптанными я не сплю.

Но Ермаков странная личность, я от него тащила, даже когда он сидел в клетке и выеживался. Между нами искрило, я же чувствовала, но тогда боялась выпустить его. Он бы меня убил, а не трахнул. Собственно, так и произошло. Синяки с шеи сошли только через полторы недели.

Но все произошедшее снова сделало его желанной добычей. А судьба предоставляет мне шанс начать знакомство заново. Ну какой мужик устоит против меня? Даже Глеб, Глеб, который меня видел всякой, стоит и пускает слюни. Ну?!

Держись, Ермаков, я иду. И сегодня ты трахнешь меня как миленький!

Но бравада с меня слетела, как только я вошла в ВИП-зал и увидела зверя. Тут я, конечно, обрадовалась, что не придется терять этот волшебный вечер. Но перед ним сидел мой папа...

Бывают же обломы?!

Твою мать!

– Ой, Андрей Григорич, – подал голос Глеб. – А у меня телефон летит в Нью-Йорк...

– Заткнись и спрячься, – процедила я сквозь зубы, взбудораженно разыскивая решение.

Так, вряд ли папа тут на всю ночь. Сейчас решит вопросы и свалит. А вот Ермаков, судя по окружению, еще задержится. Значит, мне пересидеть полчаса всего, и зверь свободен.

– Где спрятаться? В туалете самолета? – сьюморил Глеб.

– В туалете! Идеально! Спасибо, Глебушка. А теперь скройся. Как папа уйдет, выходи. Я в туалете.

Как смогла незаметно, стараясь не привлекать внимания, хотя куда там – я сегодня постаралась сверкать всеми гранями своей охрентельной натуры, – я юркнула в туалет, выдыхая от нервного напряжения.

Да уж, сюрприз был бы не только Ермакову, но и папеньке. Пипец.

Я успела сделать всего три шага от двери, как она открылась. Меня моментально подхватила чья-то рука и грубо прижала к мраморной столешнице между умывальниками.

– Какого хре...

– Заткнись, сучка, – раздался надо мной спокойный торжествующий голос зверя. – Удивительно, но я рад тебя видеть. – А вот теперь он шипел, продолжая удерживать меня прижатой к столешнице, а второй рукой проводя ладонью по бедру и задирая подол самого зашибенного платья из всего моего нового гардероба.

О да! Примерно так я и хотела! Так я и мечтала.

Глава 6

Коза в клетке

Иногда я напоминал себе кукловода: манипулировал ниточками, все больше и больше опутывал обязательствами людей со связями, полномочиями, деньгами. Это какая-то насмешка судьбы, когда говорят, что обязательно нужно быть бабой, чтобы вертеть мужчиной. С этим спорить глупо, но, как показала практика, можно и нужно быть мужчиной, чтобы крутить и вертеть всеми.

Я только что сделал три звонка, которые перевернут жизнь Андрея Григорьевича Обухова с ног на голову. Нужно выждать всего неделю, прежде чем он сдастся и отдаст мне свою звездень.

И тогда я...

Вот тут планы сбоили. Мне дико хотелось оттрахать ее и разодрать к чертям, чтобы не вспоминать больше о ее существовании. Но даже этого было мало. Это я всегда указывал девицам, как жить и что делать, и ни одна тварь не посмела бы засунуть меня в клетку.

Обухов держался долго. За неделю я поутих, немного переосмыслил ситуацию, вдруг увидев другие перспективы перевоспитания сучки.

– Олег, а где та клетка, что у тебя в офисе в углу стояла?

– Тебе зачем, Рус?

– Вдруг планы появились. А так как гостя вот-вот пожалует, новую клетку заказывать некогда. Решил у тебя в прокат взять.

Мезуров усмехнулся, раскусывая мои планы на гостью.

– Не смогу дать. Я ее за ненадобностью перепродал Сане. Знаешь рекламщика? Он по БДСМу.

Я скривился:

– Я его по рекламе знаю.

– Так вот, ему. Не знаю, использует он клетку или нет, сам женился недавно. Но позвони, спроси. Может, даст попользоваться.

Саня – непростой человек. Если я влезал к людям через их низменные инстинкты, то Саня покупал их честно – своим умением из говна сделать конфетку. Помню, как Мезуров пытался опутать Саню связями и сделать должником, периодически подсовывая ему девиц по интересам, но он так ни одной и не заинтересовался. Чистый и честный мужик оказался. Возможно, после женитьбы забросил свои игры с БДСМ. Вот из расчета только на это я ему и позвонил:

– Саш, привет. Ермаков от Мезурова. Помнишь?

– Привет, Руслан. Узнал. Открыл какое дело? Рекламная поддержка нужна? Или акцию на шоу подготовить?

С Саней я контактировал, когда организовывал конкурсы красоты и всевозможные шоу. Красиво, красочно, богато. Но главное, я всегда под этой мишурой запасался новыми кадрами. Свежими, красивыми, незатасканными.

Отлично, что Саня запомнил меня.

– Мне нужна помощь... м-м-м... частного порядка.

– Слушаю.

– Это касается БДСМ-оборудования.

– Не вопрос. Я знаю толковых поставщиков...

– Саш, мне срочно и ненадолго нужна клетка, которую ты выкупил у Мезурова. Поможешь? Я заплачу.

Повисла пауза.

– Знаешь, Руслан, забирай насовсем. Мы с мелкой определились с пристрастиями, и клетка в их число не входит.

– Уверен?

– Абсолютно. Записывай адрес. В шесть сможешь приехать забрать?

– Спасибо, Саш. Буду.

* * *

Это даже хорошо, что он отдает мне клетку без срока возврата. Неизвестно еще, сколько времени потребуются, чтобы перевоспитать избалованную сучонку.

Но Саня смог меня удивить. И даже больше, шокировал!

– Ты можешь сдать мне эту хату на сутки?

– Рус, ты же не в Теме?

– Я – нет, но очень желаю посвятить в нее одну заносчивую тварь.

– Нет-нет, Тема не для наказания, она для удовольствия. К тому же квартира частная. Я не сдаю ее в аренду.

– Сань, ты не понял. Я не буду здесь заниматься с девицей БДСМ. Мне просто надо... не знаю, запугать ее. Понимаешь?

Саша усмехнулся, а потом рассмеялся:

– Понимаю. Сам начинал с этого. Думал, запугаю, чтоб близко к Теме не подходила...

– А она?

– Она втянулась.

– И потом?

– Потом я женился на ней, Рус. Если у тебя с девушкой счеты, мой совет – не вступай с ней в игру, доиграешься.

Я скривился. Ладно Олег поучает, он в принципе ошибается на мой счет. Но советы от Сани? Ни тот, ни другой не знали Обухову так, как узнал ее я. В таких сучек не влюбляются. На них не женятся. Точка.

– Клетку я заберу. Но подумай все же про квартиру? Мне кажется, тут даже суток не понадобится, чтоб проучить занозу. Ремень принесу свой.

– Купи лучше розги – они страшнее. Только погуглить не забудь, как их приготовить.

Саня хлопнул меня по плечу, а я расплылся в улыбке. Розги. Да. Самое оно для козы!

Вот только уже на следующий день, как я привез клетку в номер отеля, который снял на длительное время как раз для интимных встреч, заглянул в «Инстаграм» козы и бессильно зарычал. Она хвасталась селфи из Милана и Парижа, беззаботно примеряла наряды в бутиках и выкладывала видюшки в сториз. Коза развлекалась вовсю, уверенная, что я ее не достану.

И я подвинтил гайки ее папаше, уверенный, что скоро он сдуется.

Обухов приполз ко мне через неделю, один, без дочери.

– Я все понял, Руслан Александрович.

– Что понял?

Обухов поднял на меня глаза, но его взгляд мне не понравился. В нем уже сквозила ожесточенность загнанного зверя. Значит, будет защищать козу, пока сам не сдохнет.

За выбор – уважаю. Я сам никого бы не подпустил к Дашке и Алинке, сдох бы сам, но не подпустил. Но ни та, ни другая никогда меня перед такими условиями и не поставят. А вот его дочь подставила и свалила.

– Что был неправ.

– В чем неправ? Не заставляй вытягивать из тебя слова. К тебе у меня нет претензий. А вот к твоей дочери есть.

Обухов тяжело покачал головой.

– С меня за дочь спрашивай. Это я виноват, что недоглядел.

– Верно мыслишь. Я предлагал тебе выбор: она или ты. Значит, ты.

– Значит, я.

Я вздохнул. Черт, а ведь у меня уже планы были, прям руки чесались от нетерпения приступить к воспитанию козы.

– Отпишешь мне свой бизнес и закроешь претензии по проверкам. Будем считать, что в расчете.

– А не дороговато ли? – поднял голову Обухов.

Я встретил его взгляд и удержал. Мне Мезуров отлично вколотил в голову принципы власти. Если дать слабину – тебя оседлают. Если передавить – озлобятся и захотят порвать. Даже давить надо с правильным нажимом и в выверенные сроки.

Вот Обухова я, кажется, передал. Он готов был сорваться и вцепиться мне в глотку.

– Я сделал тебе скидку, – тихо проговорил я, наклоняясь к нему и не отпуская взгляда. – Я слышал, как ты решил покончить со мной, но струхнул перед Мезуровым. Как думаешь, какой счет за это должен был выставить?

Если бы Мезуров узнал, что какой-то толстосум угрожал моей жизни, уже на следующий день он был бы разжалован до лесников в ближайших посадках. Думаю, Обухов должен оценить мое милосердие.

– Я понял, Руслан Александрович. Спасибо.

Кивнул, набирая юриста и описывая в двух словах задачу.

– Мой юрист свяжется с вами, как будут готовы бумаги. Чем быстрее согласуете, тем меньше будут счета от проверяющих.

– Понял. Я успею до вечера.

– Вечером жду в клубе.

Не знаю, как описать горьковатый привкус от спродюсированного порно. В мечтах оно было с другой актрисой в главной роли. С другой стороны, Олег похвалил за мудрое и выгодное решение. Бизнес Обухова пойдет на укрепление нашего бизнеса. Влияние вырастет, связи упрочнятся. Станет безопаснее. Я все же вывернул свое неудобное положение в положительный результат.

Вечером, отсев за столик на возвышении, я прижимал к себе девственницу из Иванова, которая позвонила мне чуть раньше, чем должна была. Но я уже предвкушал вечер с ней и возможность отпраздновать победу над Обуховым.

Пусть не я лично, так нищенское положение воспитает Юлию Андреевну. Заставит мажорку ценить щедроты жизни. Хотя, следя за ее «Инстаграмом», отмечая, как эта сучка шикарно выглядит – съедобно, я бы сказал, – был уверен, что сладкоежки тут же набегут и набросятся на аппетитную девочку. Она совершенно точно перескочит с обнищавшего папкиного кошелька на еще тугой нового ухажера.

Но меня это не колышет.

Ведь не колышет же?

Я дотронулся губами до виска сидящей рядом девицы, чтобы вдохнуть запах, выбросить козу из головы, пока Обухов читал договор на продажу активов холдинга, когда в дверях заметил Юлию Андреевну собственной персоной. Со своим бугаем в сопровождении.

Нет, я бы не поверил глазам, списав это на желаемое, выдаваемое за действительное, если бы не бугай. Тот был очень реален. Значит, и Юлька настоящая.

Ноздри сразу расширились, я напрягся, чувствуя подвох и не сводя взгляда с козы. А вот она, похоже, сама перепугалась. Стояла на входе, вращая округлившимися глазами, зыря в спину папашу и что-то непрерывно выговаривая телохранителю.

Зачем она здесь?

Мозг усиленно крутил информацию.

Приехала к отцу, заметила меня и перепугалась? Или ехала ко мне, чтобы сдаться и спасти отца? В общем, мне похер! Она здесь, и я вполне могу до нее дотянуться. Ну, а когда коза разбежалась со своим бугаем и юркнула в туалет, ее судьба была решена.

– Отойду на секунду, – выдохнул я, не сводя взгляда с туалета, чтобы не упустить сучонку. Быстро вошел внутрь, моментально потеряв контроль и выпустив инстинкты наружу.

Твою мать! Как же я долго ждал этого момента.

Она подо мной, передо мной. Дышит рвано и тяжело, и я, черт, это понимаю. Напугана до усрачки.

– Удивительно, но я рад тебя видеть, – многообещающе тяну я, поглаживая ее выступившее бедро.

Взять в туалете, как она и хотела в свой день рождения, а потом взъерошенной и оттраханной до безумия вытащить в зал, к отцу. Пусть полюбуется, какую шлюшку воспитал, пусть осознает, за какую дешевку он отдает все до копейки.

Рука скользнула между ног, моментально увлажняясь от мокрой полоски трусиков. Течет? Она даже не боится меня, а тупо хочет быть оттраханной?

Тело предательски отозвалось на запах и готовность самки. Я непроизвольно потерся набухшим членом о выпяченную попку, обтянутую каким-то невероятно пошлым платьем. И звук глубокого грудного стоны козы выбил меня окончательно.

Потому что нельзя, сука, так стонать. Это надо запретить на законодательном уровне!

На некоторое время меня выключило. Я бился бедрами в ее ягодицы, грязно лапал раздвинутые бедра и то, что так нескромно мне предлагалось.

И в шаге от «пошло все на хер» и полной потери контроля я поймал ее взгляд в зеркале. Тварь улыбалась, пошло облизывала губы и закатывала глаза. Я прекрасно понимал, что она тоже плохо контролирует свои желания. Но вот эта пошлость, доступность и развратность отталкивали.

Желание в момент спало. До отрезвленного сознания стало доходить, что мной снова воспользовались. Она хотела меня – она и получила.

Почти.

Я резко одернул платье, чтобы не соблазнять себя ее полными ягодицами. Потянул за волосы, чтобы поднять, и, прижимая бедрами к стойке, смотрел в глаза избалованной сучонке через зеркало.

– Какого хрена ты тут делаешь?

– Просто... пришла. Разве мне нельзя сюда приходить?

– Как просто пришла, так просто и вышла. Твой отец уже расплатился за твою дурость.

– В смысле? – протянула она, пытаясь развернуться.

Но я удержал, сильнее перехватывая волосы у корней.

– В прямом. Сейчас все состояние Обухова переходит в мои руки. Такие условия: или ты, или все нажитое папкой.

– Да нет... Он не станет...

Но по взгляду, по искривившимся губам козы я понимал: она своим куцым умишком сообразит, что я не вру.

Голову еще мутило от ее запаха, от желания поймать тварь. Я никогда не был железным, а ее чертов вызов просто притягивал забрать, отодрать, завладеть. И эта мелкая мысль, что я в один вечер могу одновременно и заполучить бизнес ее папаша, и отыметь козу, срывала крышу.

Но как там сказал Олег? У меня слишком мягкое сердце? Оно не мягкое, оно, твою срань, озабоченное справедливостью.

С тихим стоном разочарования я впился в ее шею, намеренно оставляя след зубов и засос, а потом тихо проговорил:

– Именно так. И теперь папашу спасти можешь только ты...

– Как? – прохрипела она, и этот грешный развратный хрип проник в мои яйца так, что они загудели от желания.

– Условие прежнее: или ты, или он.

И все же она вывернулась, ловко поворачиваясь в моих руках, обхватывая шею, прижимаясь всем телом ко мне так, что я невольно обнял ее за талию и притянул еще ближе. И снова мы в секунде от неистового траха. И коза это поняла. Щурилась, улыбалась и терлась сиськами так, что я чувствовал ее соски через тонкую рубашку.

– Я согласна.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы отстраниться.

– Приведи себя в порядок и выходи в зал, – холодно распорядился я, спешно покидая туалет.

Черт, это будет сложнее, чем я думал. Вначале мной двигала злость, за возможность отомстить я готов был свернуть горы. Но за месяц что-то изменилось. И это «что-то» назойливо пробивало брешь в моем хладнокровии.

Мне ее жалко? Нет.

Я на нее зол? Все еще да.

Но хочу ли я раскатать ее так, чтобы она встать не смогла?

Уже нет.

Я сел перед Обуховым, демонстративно подписывающим бумаги. Выслушал разум, взывающий ко мне, что лучше взять бизнес и не пачкаться с козой. Дождался, когда Обухова вышла из туалетной комнаты, подошла к моему столу и встала за спиной отца, все еще не замеченная им.

– Я подписал. Теперь ваша очередь. – Обухов передвинул мне бумаги и ручку, но, заметив мой взгляд, направленный ему за спину, обернулся сам и тут же взревел: – А ты чего здесь делаешь?!

– Пап, все нормально. Я сама улажу этот вопрос.

– Какой еще, на хрен, вопрос? Ты где должна быть? Где, на хрен, твой раздолбай?

Обухов судорожно схватился за телефон, в спешке набирая чей-то номер и нервно поглядывая то на меня, то на дочь.

Я оскалился, откинувшись на спинку дивана. Концерт получался хорошим, драматичным. Девственница прильнула ко мне, но я отодвинул, чтобы не мешала наслаждаться. Вот теперь фильм принимал другой оборот, и в глубине души я был рад капитуляции сучки.

– У Глеба отключен телефон, – прервала попытки отца коза.

– А какого...

– Пап! Спокойнее, ладно? Я накосячила – я и улажу. Мы с Русланом договоримся.

Коза игриво стрельнула в мою сторону взглядом, заставляя внутреннего демона заржать. Ведь она уверена, что отделается парой перепихонов. Причем даже заставлять себя не придется – она давно положила на меня глаз.

Вот ведь самоуверенная идиотка!

– Когда это вы успели договориться с... Ермаковым?

Обухов багровел, и мне не понравился нездоровый цвет лица.

– Только что. Пап не переживай, я...

– Тащи свою, пока еще целую, задницу домой!

– Пап!

– Развернулась и сбрызнула отсюда.

– Папа!

В поединке коза явно проигрывала. Пора было вмешаться.

– Андрей Григорьевич, присядьте. – Я дождался, когда он тяжело опустится на диван напротив меня, потом взял подписанные им документы и помахал в воздухе между нами. – Ваша дочь совершеннолетняя, дееспособная. И мне кажется благородной ее попытка сохранить ваш бизнес.

– Она дура, – огрызнулся Обухов.

– Тут возразить нечего, – согласился я.

– Ой, вот только не надо...

– Помолчи.

– Заткнись!

Коза вздернула подбородок, обошла стол, вертя своей попкой перед моим носом, и села рядом с отцом, закинув ногу на ногу, снова на секунду выбивая меня из колеи похотливыми образами.

Так, собрался, Рус. Ты потом с ней наиграешься, когда окончательно уложишь на лопатки папашу.

Обухов помолчал некоторое время, потом вздохнул:

– Я так понимаю, от меня уже ничего не зависит?

– Нет, папа, я все решила. И не хочу, чтобы ты расплачивался за мои ошибки.

Ей бы пафоса в тон поменьше, даже я проникся.

– С ней ничего не должно случиться, – проговорил Обухов, глядя мне в глаза.

– А как в этом случае я буду ее перевоспитывать? – усмехнулся я. – С ней много чего случится. Но она останется живой, если вы об этом.

– И как долго ты собираешься ее... воспитывать?

Я смерил козу оценивающим взглядом. Та сразу подалась вперед, расправляя плечи, выпячивая грудь и облизывая губы. Нарочно или подсознательно – неважно. Но как долго коза будет заблуждаться на свой счет?

– До конца года она моя. Потом отпущу.

– Ого, у тебя аппетиты, – восхитилась Обухова, многозначительно улыбаясь.

Так ведь она реально собирается отработать залет сексом! Вот с этого и начнем обламывать.

– До Нового года? – неуверенно переспросил отец. – Уверен? Если что, я заберу ее раньше.

И это была сделка.

Я поднял договор, на глазах Обухова разорвал его и подал руку Юльке, перетаскивая на свой диван.

– Пока не отпущу ее – вы не вмешиваетесь.

Коза неуклюже плюхнулась рядом, заваливаясь на меня и обдавая своим обволакивающим ароматом.

Пахнет как течная сучка. И ведь мне придется обламывать не только ее инстинкты, но и свои. Мать ее!

– Так не пойдет! – вдруг рявкнул Обухов, и я тут же пожалел, что не оставил договор в качестве страховки. – Я не смогу просто взять и отдать дочь сутенеру.

– Полегче, – предупредил я, удерживая Юльку и поглаживая ее по оголенному плечу.

Сейчас, почувствовав ее рядом, почти в своей власти, я знал, что уже не упущу добычу. И Обухов ни хрена не сможет с этим сделать. Пусть его телохранители напряглись, но я находился на своей территории. И возможностей в этом городе у меня больше, чем у Обухова.

– Я не знаю, что ты задумал, но при дочери останется ее телохранитель.

– Пап, – пискнула из-под руки Юлька.

– Цыц. Вот пока воспитанием занимаешься ты лично и это не угрожает ее жизни, он вмешиваться не будет. Но пускать дочь по рукам или сдирать шкуру – не позволит.

Юлька затряслась, а я только усмехнулся. Пускать козу в расход я и не собирался. Моя репутация мне дороже мести. Закапывать козу тоже не имело смысла. Значит, и ее бугай моим планам не помешает.

– Ребят, найдите и приведите Козлова.

Я поперхнулся:

– Кого?

– Это Глеб. Глеб Козлов – мой секьюрити, – пробормотала коза, не спуская с отца взгляда, но шаловливой рукой уже наглаживая мне пах.

Твою же... господи! А жизнь-то становится ярче!

– А как же я, Руслан Александрович?

Девственница из Иванова сидела, гордо выпрямив спину, с укором поглядывая на прильнувшую к другому боку Юльку. Вот в чем огромная разница между уже попробовавшими секс и ни разу к нему не стоявшими. Коза тонко, а иногда нагло дергала мои инстинкты, полагая, вполне осознанно, чтобы я ни на миг не забывал, что она рядом, что она готова, что *там* уже влажно. И я периодически подавлял в себе ответные реакции, чтобы мое состояние не заметили другие, но коза точно чувствовала мою реакцию, наглаживала ее и сжимала своими наглыми пальчиками.

Зато девица из Иванова отсела далеко, демонстрировала обиду и ждала, когда я брошусь утешать и добиваться ее. Идиотка. Позвонила, чтобы я лишил ее девственности, и теперь начинают какие-то непонятные мне игры в «дар божий», который я не оценил.

– Пожалуй, детка, у нас с тобой ничего не получится, – протянул я, доставая купюру из бумажника и протягивая девице. – Мой тебе совет – возвращайся в Иваново и выходи замуж по любви.

Девица поджала губы, презрительно поглядывая на деньги в моей руке. И тут вдруг ожил Обухов:

– Новенькая?

Я заметил его заблестевшие глаза и жадность, с которой он оглядывал девственницу. Почувствовал, как напряглась Юлька, собираясь вмешаться, и ответил Обухову, удерживая его дочь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.